

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОГО ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

В статье рассматриваются различные способы самоидентификации современного человека, живущего в эпоху постмодерна, для которой характерно поливариантное восприятие мира и акцентация феномена урбанизации. Автор говорит о том, что социокультурные и психологические особенности постмодернистского города способствовали появлению характерных черт современного горожанина. Это поиск компромисса между индивидуальным и надиндивидуальным содержанием жизни; интеллектуализированное восприятие действительности и, как следствие, уничтожение иррациональных свойств и импульсов; независимость индивидуума в городе как результат взаимной замкнутости и безразличия людей. В таких условиях, по мнению автора, возникает неоспоримая потребность самоопределения, одним из способов которого является обращение к религии.

Процесс религиозной самоидентификации осложняется отчуждением человека от традиционной религии, которая предполагает под собой знание церковных догматов, ответственность за разделяемое вероучение и «оковы» ритуалов, что представляется практически невозможным в современном городе.

Ключевые слова: постмодерн, самоидентификация, религиозность, урбанизация, горожанин, традиционная религия, отчуждение, фрагментированная реальность, поливариантное восприятие мира, внешне набожный.

The article describes different types of self-determination of a modern man living in the postmodern epoch that is considered to have polivariant world perception and the emphasized phenomenon of urbanization. The author attracts the attention to the fact that sociocultural and psychological particular features have resulted in the emergence of some characteristics of a modern citizen. These are the following: search of compromise between individual and superindividual life content; intellectualized reality perception and, as a result, destruction of all irrational features and impulses; individual independence as a consequence of mutual unsociability and indifference. The great drive to self-identify seems to emerge in such conditions.

Religious self-determination, as one of the self-identity measures, is complicated by human-being subtraction from traditional religion that, in its turn, assumes knowledge of church dogma, responsibility of affirmed beliefs and so called bondages of rituals. The author considers it to be impossible in the modern society with its particular qualities.

Keywords: postmodern, self-determination, religiosity, urbanization, citizen, traditional religion, alienation, fragmented reality, polivariant world perception, theopathic on the surface.

Способ формирования самоидентичности человека в обществе, осознание им своего места и роли является одной из важнейших социокультурных характеристик организации общества и общественного сознания, которые подверглись достаточно серьезной трансформации в эпоху *постмодерна*. Отметим, что в нашем понимании *постмодерн* обозначает специфику мировоззренческих установок новейшей, «постсовременной», культуры в целом, связанной с поливариантным восприятием мира и акцентированной проблемой самоидентификации культуры города как феномена урбанизации с присутствием ей фрагментарностью и атомарностью.

Трансформация ценностно-мировоззренческих установок человека, живущего в

«постмодернистском городе», затронула, в частности, и традиционную религиозность. Целью данной работы является изучение одного из важнейших аспектов самоидентификации – *религиозной самоидентичности городского человека* как носителя социокультурных и психологических ценностей общества городского типа. Процесс становления городской культуры, порожденный урбанизацией, оказал самое непосредственное влияние на способы самоопределения современного человека. Место религии в повседневной жизни горожанина, отличие религиозной самоидентификации от других доступных способов самоопределения – предмет нашего анализа. Поскольку объектом нашего исследования является религия

в аспекте формирования базовых ценностей, то для нас в первую очередь важно четко обозначить ценностные установки эпохи *постмодерна* и их взаимосвязь с мировоззренческими установками человека, живущего в урбанизированном обществе.

На наш взгляд, *постмодернизм*, в отличие от предшествующего ему *модернизма*, предполагает принципиально новый, не приемлющий статики и однозначных определений взгляд на мир. Напомним, что как понятие «постмодернизм» утверждается в 1980-х гг. в работах Жан-Франсуа Лиотара – французского философа, теоретика «нерепрезентативной эстетики», создателя концепции нарратологии, обосновывающей и оправдывающей ситуацию постмодернизма в философии.

Наиболее общими признаками постмодернизма являются: 1) принципиальный отказ от возможности целостного описания реальности; 2) критика классических стандартов философствования (классической рациональности); 3) обоснование невозможности взаимопонимания между представителями различных философских концепций из-за отсутствия универсального смыслового поля и общего единого языка; 4) практически полное, последовательное и сознательное разрушение категориального аппарата философии.

Исследуя проблемы *легитимации социальной связи*, проявляющейся в форме «языковых игр», *идеи справедливого общества, результативности и эффективности системы* как единственной цели развития и познания общества, Ж-Ф. Лиотар считает, что специфика постмодернистской ситуации заключается в отсутствии универсального повествовательного метаязыка и традиционной легитимации знания, которое «по мере вхождения общества в постиндустриальную эпоху, а культуры в эпоху постмодерна, изменило свой статус» [6]. По его мнению, утрата макронарративами своей легитимирующей функции обязана катастрофическим событиям XX в. и трагедии в Освенциме в частности. В интерпретации Лиотара, Освенцим является результатом проекта модерна, и выходом из этой ситуации может быть только кардинальное изменение восприятия мира – переход от иерархии, устанавливаемой метадискурсом «больших нарративов», к принятию множественности самостоятельных и равноправных элементов, существующих в виде полиморфичных и диверсивных языковых игр с их

экспериментальностью, машинностью, антидидактичностью. В свою очередь, смена идеологий подтверждает, что вера в господство разума, правовую свободу и социальный прогресс – модернистские идеи – подорвана. С точки зрения Лиотара, кризис ценностей и идеалов Просвещения означает отход от тотальности всеобщего и возврат к самоценности индивидуального опыта на микроуровне [4–6].

В условиях кризиса гуманизма и традиционных эстетических ценностей, переживаемого модернизмом, необратимым стало разрушение внешнего и внутреннего мира в абсурдизме, чьим «героем» явился атомарный «человек без свойств» [12], столкнувшийся с крайней необходимостью переживать крайне индивидуальный психологический и интеллектуальный опыт постижения мира и утверждения собственной идентичности. Кроме того, мобильный постмодернизм вышел на первый план и обновил модернизм плюрализмом форм и технических приемов, сближением с массовой культурой, повлиявшей на специфику бытия *города* как системы специфических условий бытия культурных ценностей.

Являясь носителем материальных технологических ценностей, город стал *внешним* проявлением культуры урбанизированного общества. С другой стороны, показателем *внутренних* социокультурных процессов выступили изменения образа жизни и духовного мира городского человека. Н. А. Хренов считает, что человек решает проблемы урбанизационного перехода в постмодернистском обществе, «преобразуя себя и проектируя свои действия в новых социокультурных пространствах» [3. С. 9]. Необходимо отметить, что общественное сознание и индивидуальное самоопределение человека напрямую зависят от культуры городской среды, сформированной общественно-техническим механизмом урбанизированного постсовременного социума. В свою очередь, для культуры общества городского типа характерен ряд признаков.

1. Во избежание насилия со стороны общества, современный горожанин сталкивается с необходимостью постоянно находить компромисс между индивидуальным и надиндивидуальным содержанием жизни, или, другими словами, все время приспособлять свою личность к постоянно меняющимся, фрагментарным социально-экономическим и социокультурным условиям постмодернистской урбанизированной сре-

ды. Г. Зиммель считает, что психологической основой индивидуальности большого города является «повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [7. С. 25].

2. Психологические условия жизни в большом городе и маленькой деревушке, отличающейся медленным, привычным и равномерным ритмом душевной и умственной жизни, существенно отличаются. На наш взгляд, это и делает понятным преобладание интеллектуального характера душевной жизни в больших городах, по сравнению с сельской местностью, где преобладают преимущественно чувственные проявления душевных настроений. Отметим также, что в крупных городах чрезмерная рациональность, как ведущий способ интеллектуализированного восприятия действительности, характерного для постмодернистских установок, содействует уничтожению тех иррациональных, инстинктивных свойств и импульсов, которые определяют внутреннюю, духовную составляющую жизни и помогают молодому человеку самоопределиваться. Кроме того, одним из проявлений душевной жизни современного молодого горожанина, которое способствует самосохранению, является бесчувственное равнодушие. По мнению Г. Зиммеля, равнодушие «является следствием тех быстро сменяющихся и в своей противоположности тесно стекающихся раздражений нервов, которые и приводят в больших городах к развитию интеллектуальности» [17. С. 412].

3. Внутренние отношения жителей больших городов характеризуются замкнутостью, обособленностью. Это объясняется тем, что общество городского типа предоставляет человеку духовную свободу. Так, например, сельского жителя связывают предрассудки, навязанные исторической традицией. А в тесной сутолоке крупных городов, где так резко чувствуются физическая близость и скученность, очень сильно ощущается независимость индивидуума, являющаяся результатом взаимной замкнутости и безразличия. Личная отчужденность, в свою очередь, – оборотная сторона этой свободы.

Отметим, что в первую очередь процесс отчуждения наблюдается именно у молодежи. С. Н. Волков понимает его как «отгораживание от внешнего мира» [2. С. 114]. Отчужденная молодежь склонна к субъективизму и, как следствие этого, имеет место

личная ответственность молодого человека при принятии решений. Кроме того, субъективно отчуждение может проявляться в чувствах апатии, одиночества, равнодушия, атрофии высоких социальных и гуманитарных ценностей, восприятию явлений действительности как противостоящих и противодействующих личности.

4. Нельзя обойти вниманием и проблему справедливости в постмодернистском урбанизированном обществе. В городских условиях разобщенности и практически абсолютной атомизации людей, по мнению Ж.-Ф. Лиотара, наблюдается «крах этики», так как только универсальность является необходимым условием существования этических суждений. Но, в свою очередь, универсалии непозволительны в обществе, утратившем веру в метанарративы, и в таком случае этика и соответственно мораль оказываются под сомнением [4].

Резонно возникают вопросы: как же тогда современному горожанину соотносить себя с окружающей действительностью; есть ли возможность самореализации в городской фрагментарной среде; на что опереться в поисках самоопределения и самоутверждения в несправедливом обществе провозглашенных безграничных свобод и возможностей, где ценится исключительно индивидуальный опыт постижения мира?..

Ответ прост: одним из важнейших способов самоопределения является обращение к религии и, как результат, личная религиозная самоидентификация.

В. С. Соловьев, представляя русских религиозных мыслителей XIX–XX вв., разграничивает религию и религиозность. Он пишет, что «религия, говоря вообще и отвлеченно, есть связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего». Религиозность же – это «личное настроение, личный вкус: одни имеют этот вкус, другие нет, как одни любят музыку, другие – нет» [14. С. 3, 4]. В свою очередь, В. В. Розанов подчеркивает: «Мы не можем лучше определить религиозность, как словами Библии о патриархе Енохе: “он ходил перед Богом”. Религиозность есть хождение перед Богом, или живое, неперенное личное и непременно жизненное чувство, почти ощущение Бога» [13. С. 313].

Обращаясь к безусловному началу, религия может: 1) восполнить отсутствие чувственной действительности и явиться средством снятия стрессовых ситуаций в

городском обществе с его интеллектуальной духовной культурой; 2) быть средством интеграции и коммуникации при установлении отношений со своими «ближними»; 3) являясь нормативной системой и основой традиционных общественно санкционированных способов поведения, упорядочить мысли и действия людей в городском хаосе. Помимо этого, религия выступает альтернативой фрагментированной культуре информационного, или постмодернистского, общества, которое, в свою очередь, оказывает негативное влияние на становление целостной личности, усложняя процесс ее самоидентификации.

Социологические опросы свидетельствуют о том, что с 1990-х гг. в России наблюдается так называемое религиозное возрождение, религиозность помолодела, а среди верующих стало больше образованных. Согласно статистическим данным, в течение последних нескольких лет православными себя объявляют 55–59 % [11; 10] граждан России или до 82 % русских людей, т. е. 70–85 млн человек [9].

При определении роли религии в процессе самоидентификации современного человека нельзя забывать о том, что все статистические данные весьма условны. Это объясняется тем, что каждый социолог при проведении исследования руководствуется субъективными критериями понимания религиозности. На наш взгляд, традиционная религиозность (или «воцерковленность») и формальная религиозность (или культурно-мировоззренческая религиозность) – совершенно разные понятия.

Для лучшего понимания истинной, или традиционной, религиозности приведем слова И. А. Ильина, который сказал: «Истинная религиозность начинается именно с духовной нищеты, то есть со смиренного и искреннего незнания, с подлинного алкания и жаждания правды, в то же время религиозность не есть какая-то человеческая точка зрения, или мирозерцание, или догматически-послушное мышление и познание. Нет, религиозность есть жизнь, целостная жизнь, и, причем творческая, жизнь» [8. С. 330, 399].

В свою очередь, формальная религиозность является проявлением глубокого равнодушия к вопросам религии и веры при демонстративном соблюдении обрядовой стороны религиозного бытия. По мнению, В. П. Баранникова, данный тип религиозности является «формой внешней религиозно-

сти, необлагороженной ни религиозным чувством, ни стремлением к реализации религиозных переживаний» [1. С. 103]¹. Для культурно-мировоззренческой религиозности вовсе необязательно разделять вероучение данной традиции, участвовать в таинствах и обрядах, являться членом религиозной общины. Тем не менее сам факт принадлежности к определенному религиозному течению, независимо от религиозных убеждений, является важным для мировоззрения, нравственной и культурной ориентации современного городского человека. Собственно уровень религиозности, или «воцерковленности», – это численность *практикующих верующих* («традиционных верующих»).

Выделим три степени религиозной активности в постмодернистском урбанизированном обществе: 1) *высокую* (традиционные верующие, или воцерковленные); 2) *среднюю* (верующие, среди которых можно выделить «внешне набожных» и верующих во что-то иррациональное, мистическое); 3) *низкую* (неверующие). При этом даже по самым оптимистическим оценкам воцерковленными являются не более 12–15 % горожан (в крупных городах процентная доля еще ниже).

Чем же можно объяснить тот факт, что современный человек не только отчуждается от традиционной религии, но и религиозной самоидентификации предпочитает другие, более упрощенные формы индивидуального самоопределения?

С одной стороны, в условиях формализации социальных связей и отношений, калейдоскопичности мировосприятия, увеличения свободы выбора, «люди обращаются к определенному вероисповеданию не потому, что они стали истинно верующими, а потому что это самый удобный источник правил, порядка и общения» [15. С. 327]. Именно поэтому так называемые «новые соборы» образуются не на основе устойчивого социокультурного, психологического и информационного контекстов, а как стремление упорядочить свою жизнь, придать ей смысл в условиях социальной нестабильности фрагментированного городского общества.

С другой стороны, определяя для себя наиболее приемлемый способ самоидентификации, современный человек, не желая полностью потерять свою свободу, щедро дарованную городом, испытывая настоятельную потребность сделать все более про-

¹ См. также: <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/07/19/0000216494/019.BARANNIKOV.pdf>

стым и душевным, отклоняет духовный опыт от религиозной традиции. Речь идет о смещении чувства трансцендентного из области церковного учения в более приземленные сферы жизни, такие как политика и наука, а также о сведении его к представлениям о независимости личности, правах человека, индивидуальности и самодостаточности [16]. Соответственно религиозность становится менее ориентированной на церковь и более направленной на земные проблемы общества и человека, что и соответствует формализации религиозности. Душевный поиск современного горожанина, уже в самом своем процессе подразумевающий отход от традиции, не предполагает «невыносимого» объема догматических религиозных знаний и огромной ответственности за разделение определенных религиозных убеждений.

Свободный в выборе современный человек идет наиболее легким путем. Проявлением чрезмерной упрощенности и душевности, наряду со всевозможными политическими, культурными, профессиональными, музыкальными «тусовками», которые уже стали формой объединения, в первую очередь, молодежи, инструментом социализации, выступили нетрадиционные религии и культы («новые религиозные движения», «религии нового времени», «молодежные религии», «деструктивные культы», или тоталитарные секты).

Таким образом, наличие и бурный рост «более упрощенных» форм религиозного сознания свидетельствуют о том, что в постмодернистском обществе городского типа происходит постепенный отход от традиционной религиозной самоидентичности, требующей от горожанина жесткого ограничения чувственных душевных проявлений, регламентации повседневной жизни, серьезной ответственности за разделяемые религиозные верования и убеждения.

Список литературы

1. Баранников В. П., Матронина Л. Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социс. 2004. С. 102–106.
2. Волков С. Н. Добро и зло в современном мистицизме. Пенза, 2001. 229 с.
3. Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Под ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2001. 392 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология / Пер. с англ. и посл. Б. Г. Соколова. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского ф-та СПбГУ; Алетейя, 2001. 151 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи» / Пер. с франц. В. Е. Лапицкого. СПб.: АХИОМА, 2001. 187 с.
7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–31.
8. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.
9. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социс. 2005. № 6. С. 46–56.
10. Митрохин Н. А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое лит. обозр., 2004. 646 с.
11. Мчедлов М. П. Взаимосвязь религиозного и национального // Национальное и религиозное / Под ред. М. К. Горшкова, Г. Е. Трапезникова. М.: РНИС и НП. Международный фонд духовного единства российских народов, 1996. С. 4–22.
12. Музиль Р. Человек без свойств // Музиль Р. Малая проза. Избр. произв.: В 2 т. М., 1999. 463 с.
13. Розанов В. В. Религия и культура: Сб. ст. М.: Правда, 1990.
14. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьев В. С. Собр. соч. и писем: В 15 т. [Репринт. воспроизведение 2-го изд.] М.: Логос, 1993. Т. 3. 430 с.
15. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Пер. с англ., под ред. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2003. 476 с.
16. Luckmann T. Shrinking Transcendence, Expanding Religion? The Paul Hanly Furfey lecture // Sociological Analysis. 1990. Vol. 50. No. 2.
17. Simmel G. The Metropolis and Mental Life // The Sociology of George Simmel. N. Y.: Free Press, 1950. P. 409–424.